

НАСТУПЛЕНИЕ

В армии, как и в стране, шла непрерывная политическая перегруппировка сил: низы передвигались влево, верхи -- вправо. Одновременно с тем как Исполнительный комитет становился орудием Антанты для укрощения революции, войсковые комитеты, возникшие как представительство солдат против командного состава, превращались в помощников командного состава против солдат.

Состав комитетов был пестрым. Немало было патриотических элементов, которые искренне отождествляли войну с революцией, мужественно шли в навязанное сверху наступление и слагали свои головы за чужое дело. Рядом с ними стояли герои фразы, дивизионные и полковые Керенские. Наконец, немало было мелких ловкачей и проныр, которые в комитетах отсиживались от окопов, добиваясь привилегий. Всякое массовое движение, особенно в первой своей стадии, неизбежно поднимает на своем гребне все эти человеческие разновидности. Только соглашательский период был особенно богат болтунами и хамелеонами. Если люди формируют программу, то и программа формирует людей. Школа контакта становится в революции школой происков и интриг.

Режим двоевластия исключал возможность создания военной силы. Кадеты пользовались ненавистью народных масс, и в армии вынуждены были переименовываться в эсеров. Демократия же не могла возродить армию по той же причине, по которой она не могла взять в свои руки власть: одно неотделимо от другого. Как курьез, который, однако, очень ярко освещает положение, Суханов отмечает, что Временное правительство не устроило в Петрограде ни одного парада войскам: либералы и генералы не хотели участия в параде Совета, но хорошо понимали, что без Совета парад неосуществим. Высшее офицерство все теснее примыкало к кадетам -- в ожидании, когда смогут поднять голову более реакционные партии. Мелкобуржуазные интеллигенты могли дать армии значительное количество низшего офицерского состава, как они его давали при царизме. Но они не способны были создать командный состав по образу своему, ибо у них не было собственного образа. Как показал весь дальнейший ход революции, командный корпус можно было либо взять готовым у дворянства и буржуазии, как делали белые, либо выдвинуть и воспитать его на основе пролетарского отбора, как делали большевики. Мелкобуржуазным демократам не было доступно ни то ни другое. Они должны были всех уговаривать, упрашивать, обманывать, а когда у них ничего не выходило, они с отчаяния передавали власть реакционному офицерству для внушения народу правильных революционных идей.

Одна за другой вскрывались язвы старого общества, разрушая организм армии. Национальный вопрос, во всех своих видах, -- а Россия была ими богата -- все глубже захватывал солдатскую толщу, которая больше чем наполовину состояла не из великороссов. Национальные антагонизмы по разным линиям сплетались и пересекались с классовыми. Политика

правительства в национальной области, как и во всех остальных, была колеблющейся, путаной и потому казалась вдвойне вероломной. Отдельные генералы заигрывали с национальными формированиями, вроде "мусульманского корпуса с французской дисциплиной" на румынском фронте. Новые национальные части действительно оказывались обычно устойчивее частей старой армии, ибо были сформированы вокруг новой идеи, под новым знаменем. Этой национальной спайки хватало, однако, не надолго: ее разрывало в дальнейшем развитие классовой борьбы. Но уже самый процесс национальных формирований, грозивший охватить половину армии, переводил ее в текучее состояние, разлагая старые части, прежде чем успели сложиться новые. Так беды шли со всех сторон.

Милюков в своей "Истории..." пишет, что армию губил "конфликт между идеями "революционной" и нормальной военной дисциплины, между "демократизацией" армии и сохранением ее боеспособности", причем под "нормальной" дисциплиной надлежит понимать ту, которая была при царизме. Историк должен был бы знать, казалось, что всякая большая революция несла гибель старой армии в результате столкновения не абстрактных принципов дисциплины, а живых классов. Революция не только допускает суровую дисциплину в армии, но и создает ее. Однако эту дисциплину не могут устанавливать представители класса, свергнутого революцией.

"Ведь очевидный же факт, -- писал 26 сентября 1851 года один умный немец другому, -- что дезорганизованная армия и полное разложение дисциплины являлись как условием, так и результатом всякой победоносной революции". Вся история человечества установила этот простой и неоспоримый закон. Но вслед за либералами и русские социалисты, имевшие за своей спиной 1905 год, не поняли этого, хотя не раз называли своими учителями двух немцев, из которых один был Фридрих Энгельс, а другой -- Карл Маркс. Большевики всерьез верили, что армия, произведшая переворот, будет под старым командованием продолжать старую войну. Большевиков эти люди называли утопистами.

Генерал Брусилов очень отчетливо охарактеризовал в начале мая, на совещании в ставке, состояние командного состава: 15--20% приспособились к новым порядкам по убеждению; часть офицеров начала заигрывать с солдатами и возбуждать их против командного состава; большинство же, около 75%, не умело приспособиться, обиделось, спряталось в свою скорлупу и не знает, что делать. Подавляющая масса офицерства была к тому же никуда не годна с чисто военной точки зрения.

На совещании с генералами Керенский и Скобелев из всех сил извинялись за революцию, которая, увы, "продолжается" и с которой приходится считаться. На это черносотенный генерал Гурко возразил министрам нравоучительно: "Вы говорите -- "революция продолжается". Послушайте нас... Приостановите революцию и дайте нам, военным, выполнить до конца свой долг". Керенский из всех сил рвался генералам

навстречу, пока один из них, доблестный Корнилов, чуть не задушил его в своих объятиях.

Соглашательство во время революции есть политика лихорадочных метаний между классами. Керенский был воплощенным метанием. Поставленный во главе армии, которая вообще немыслима без ясного и отчетливого режима, Керенский стал непосредственным орудием ее разложения. Деникин приводит любопытный список смещений лиц высшего командного состава, не попавших в точку, хотя никто, собственно, не знал, и меньше всего сам Керенский, где эта точка находится. Алексеев уволил главнокомандующего фронтом Рузского и командующего армией Радко-Дмитриева за слабость и попустительство комитетам. Брусилов по таким же мотивам удалил перетрусившего Юденича. Керенский уволил самого Алексеева и главнокомандующих фронтами Гурко и Драгомирова за сопротивление демократизации армии. По такой же причине Брусилов устранил генерала Каледина, а впоследствии сам был уволен за чрезмерное потакательство комитетам. Корнилов ушел с командования петроградским округом из-за неспособности ужиться с демократией. Это не помешало его назначению на командование фронтом, а затем и на верховное командование. Деникин был снят с поста начальника штаба Алексеева за явно крепостническое направление, но вскоре же был назначен главнокомандующим Западным фронтом. Эта чехарда, свидетельствовавшая, что наверху не знают, чего хотят, спускалась по ступеням вниз, до роты, и ускоряла распад армии.

Требуя от солдат повиновения офицерам, комиссары сами не доверяли им. В самый разгар наступления, на заседании Совета в Могилеве, в резиденции ставки, в присутствии Керенского и Брусилова, один из членов Совета заявил: "88% офицеров ставки своими действиями создают опасность контрреволюционных проявлений". Для солдат это не было тайной. Они имели достаточно времени узнать своих офицеров до переворота.

В течение всего мая донесения командного состава, снизу доверху, варьируют одну и ту же мысль: "Отношение к наступлению в общем отрицательное, особенно в пехоте". Иногда прибавляли: "Несколько лучше в кавалерии и довольно бодрое в артиллерии".

В конце мая, когда войска уже разворачивались для наступления, комиссар при 7-й армии телеграфировал Керенскому: "В 12-й дивизии 48-й полк выступил в полном составе, 45-й и 46-й полки в половинном составе строевых рот; 47-й отказывается выступать. Из полков 13-й дивизии выступил почти в полном составе 50-й полк. Обещает выступить завтра 51-й полк; 49-й не выступил по расписанию, а 52-й отказался выступить и арестовал всех своих офицеров". Такая картина наблюдалась почти повсюду. На донесение комиссара последовал ответ правительства: "45-й, 46-й, 47-й и 52-й полки расформировать, подстрекавших к неповиновению офицеров и солдат предать суду". Это звучало грозно, но не пугало. Солдаты, не желавшие воевать, не страшились ни расформирования, ни суда. При развертывании приходилось нередко пускать одни части против других.

Орудием репрессий служили чаще всего казаки, как и при царе, но теперь ими руководили социалисты: дело ведь шло об обороне революции.

4 июня, менее чем за две недели до начала наступления, начальник штаба ставки доносил: "Северный фронт еще находится в состоянии брожения, братание продолжается, отношение к наступлению в пехоте отрицательное... На Западном фронте положение неопределенное. На Юго-Западном отмечается некоторое улучшение настроения... На Румынском особого улучшения не наблюдается, пехота наступать не желает".

11 июня 1917 года командир 61-го полка пишет: "Мне и офицерам остается только спасаться, так как приехал из Петрограда солдат 5-й роты, ленинец... Много лучших солдат и офицеров уже бежало". Появления одного ленинца в полку оказалось достаточно, чтобы офицерство начало разбегаться. Ясно, что приезжий солдат играл роль первого кристалла в насыщенном растворе. Не надо, впрочем, думать, что речь идет непременно о большевике. В это время командный состав называл ленинцем всякого солдата, который смелее других поднимал голос против наступления. Многие из этих "ленинцев" еще искренне верили, что Ленин прислан Вильгельмом. Командир 61-го полка пытался испугать своих солдат карами со стороны правительства. Один из солдат возразил: "Свергли прежнее правительство, скovyрнем и Керенского". Это были новые речи. Они питались агитацией большевиков, далеко опережая ее.

Из Черноморского флота, который находился под руководством эсеров и считался, в противоположность кронштадтцам, оплотом патриотизма, отправлена была еще в конце апреля по стране особая делегация в 300 человек во главе с бойким студентом Баткиным, который наряжался матросом. В этой делегации многое отдавало маскарадом; но было и искреннее увлечение. Делегация развозила по стране идею войны до победы, но с каждой неделей слушатели становились враждебнее. В то время как черноморцы все более снижали тон своей проповеди наступления, в Севастополь прибыла балтийская делегация, чтобы проповедовать мир. Северяне имели больший успех на юге, чем южане на севере. Под влиянием кронштадтцев севастопольские матросы приступили 8 июня к разоружению командного состава и к арестам наиболее ненавистных офицеров.

На заседании съезда советов 9 июня Троцкий спрашивал, каким образом могло случиться, что "в этом образцовом Черноморском флоте, который разослал по всей стране патриотические депутации, в этом гнезде организованного патриотизма, могла проявиться в столь критический момент такого рода вспышка? Что это показывает"? Ответа он не получил.

Безначалье и безголове в армии истерзали всех: солдат, командиров и комитетчиков. Всем нестерпимо нужен был какой-нибудь выход. Верхам казалось, что наступление преодолеет бестолковщину и внесет определенность. В известном смысле это было верно. Если Церетели и Чернов высказывались в Петрограде за наступление, соблюдая все модуляции демократической риторики, то на фронте комитетчики должны были рука об руку с офицерством открыть борьбу против нового режима в

армии, без которого немислима была революция, но который был несовместим с войной. Результаты поворота сказались очень скоро. "С каждым днем члены комитета заметно правели, -- рассказывает один из морских офицеров, -- но в то же время было очевидно падение их авторитета среди матросов и солдат". Однако же для войны нужны были именно солдаты и матросы.

Брусилов, с одобрения Керенского, встал на путь формирования ударных батальонов из добровольцев, открыто признавая тем небоеспособность армии. К этому делу немедленно же примкнули самые разнообразные, чаще всего авантюристские элементы, вроде капитана Муравьева, который впоследствии, после октябрьского переворота, переметнулся к левым эсерам, чтобы затем, после бурных и в своем роде блестящих действий, изменить советской власти и пасть от пули, не то большевистской, не то собственной. Незачем говорить, что контрреволюционное офицерство с жадностью ухватилось за ударные батальоны как за легальную форму для собирання своих сил. Идея не встретила, однако, почти никакого отклика в солдатских массах. Искательницы приключений создавали женские батальоны "черных гусар смерти". Один из таких батальонов явился в октябре последней вооруженной силой Керенского при защите Зимнего дворца. Но все это мало могло помочь делу сокрушения германского милитаризма. Между тем задача была поставлена именно так.

Наступление, обещанное ставкой союзникам на раннюю весну, откладывалось с недели на неделю. Но теперь Антанта решительно не соглашалась на дальнейшие отсрочки. Вымогая немедленное наступление, союзники не стеснялись в средствах. Наряду с патетическими заклинаниями Вандервельде применялись угрозы приостановить поставку боевых припасов. Итальянский генеральный консул в Москве заявил в печати, не итальянской, а русской, что в случае сепаратного мира со стороны России союзники предоставят Японии свободу действий в Сибири. Либеральные газеты, не римские, а московские, с патриотическим восторгом печатали наглые угрозы, передвигая их с сепаратного мира на оттяжку наступления. Союзники не церемонились и в других отношениях: присылали, например, заведомо бракованную артиллерию

-- 35 % орудий, полученных из-за границы, не выдержали двухнедельной умеренной стрельбы. Англия зажимала кредиты. Зато Америка, новая покровительница, без ведома Англии предоставила Временному правительству под будущее наступление кредит в 75 миллионов долларов.

Поддерживая вымогательства союзников и ведя бешеную агитацию за наступление, русская буржуазия сама отказывала этому наступлению в доверии, не подписываясь на заем свободы. Низвергнутая монархия тем временем воспользовалась случаем, чтобы напомнить о себе: в заявлении на имя Временного правительства Романовы выразили пожелание подписаться на заем, но прибавили, что "размер подписки будет стоить в зависимости от

того, будет ли казна давать деньги на содержание членов царской семьи". Все это читала армия, которая знала, что большинство Временного правительства, как и большинство высшего офицерства, по-прежнему надеется на восстановление монархии.

Справедливость требует отметить, что в лагере союзников не все соглашались с Вандервельде, Тома и Кашеном, толкавшими русскую армию в пропасть. Были и предостерегающие голоса. "Русская армия -- лишь фасад, -- говорил генерал Петен, -- она разрушится, если тронется с места". В таком же смысле высказывалась, например, американская миссия. Но победили другие соображения. Надо было выбить душу из революции. "Германо-русское братание, -- объяснял позже Пенлеве, -- производило такие опустошения (*faisait de tels ravages*), что оставить русскую армию неподвижной, значило рисковать, что она быстро разложится".

Подготовка наступления по политической линии велась Керенским и Церетели сперва втайне даже от ближайших единомышленников. В то время как полу посвященные лидеры продолжали еще разглагольствовать об обороне революции, Церетели все решительнее настаивал на необходимости для армии быть готовой к активным действиям. Дольше других сопротивлялся, т. е. кокетничал, Чернов. В заседании Временного правительства 17 мая "селянского министра", как он себя именовал, допрашивали с пристрастием, верно ли, что он на митинге без необходимого сочувствия выразился о наступлении. Оказалось, что Чернов выразился так: "Наступление его, политика, не касается, это дело стратегов на фронте". Эти люди играли в прятки с войной, как и с революцией. Но только до поры до времени.

Подготовка наступления сопровождалась, разумеется, усилением борьбы с большевиками. Их все чаще обвиняли в стремлении к сепаратному миру. Возможность того, что сепаратный мир окажется единственным выходом, лежала в самой обстановке, т. е. в слабости и истощенности России по сравнению с другими воюющими странами. Но никто еще не измерил силы нового фактора: революции. Большевики считали, что избежать перспективы сепаратного мира можно лишь в том случае, если смело и до конца противопоставить силу и авторитет революции войне. Для этого нужно было прежде всего разорвать союз с собственной буржуазией. 9 июня Ленин заявил на съезде советов: "Когда говорят, что мы стремимся к сепаратному миру, то это неправда. Мы говорим: никакого сепаратного мира, ни с какими капиталистами, прежде всего с русскими. А у Временного правительства есть сепаратный мир с русскими капиталистами. Долой этот сепаратный мир!" "Аплодисменты", -- отмечает протокол. Это были аплодисменты небольшого меньшинства съезда, и именно поэтому особенно горячие.

В Исполнительном комитете у одних не хватало еще решимости, другие хотели прикрыться наиболее авторитетным органом. В последний момент постановлено было довести до сведения Керенского о нежелательности отдавать приказ о наступлении до решения вопроса съездом советов. Заявление, внесенное на первом же заседании съезда

фракцией большевиков, говорило, что "наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни ее части другим", и что "съезд должен дать немедленный отпор контрреволюционному натиску или взять на себя ответственность за эту политику целиком и открыто".

Решение съезда советов в пользу наступления было только демократической формальностью. Все было уже готово. Артиллеристы давно держали на прицеле неприятельские позиции. 16 июня в приказе по армии и флоту Керенский, со ссылкой на верховного главнокомандующего, "обвешанного победами вождя", доказывал необходимость "немедленного и решительного удара" и заканчивал словами: "Приказываю вам -- вперед!"

В статье, написанной накануне наступления и комментировавшей заявление большевистской фракции на съезде советов, Троцкий писал: "Политика правительства в корне подрывает возможность успешных военных действий... Материальные предпосылки наступления крайне неблагоприятны. Организация продовольствия армии отражает собою общую хозяйственную разруху, против которой правительство нынешнего состава не может предпринять ни одной радикальной меры. Духовные предпосылки наступления неблагоприятны в еще более высокой степени. Правительство... вскрыло перед армией... свою неспособность определять политику России независимо от воли империалистических союзников. Результатом не могло не явиться прогрессирующее разложение армии... Массовое дезертирство... перестает в настоящих условиях быть простым результатом порочной индивидуальной воли, а становится выражением полной неспособности правительства спаять революционную армию внутренним единством целей..." Указав далее, что правительство не решается "на немедленное упразднение помещичьего землевладения, т. е. на единственную меру, которая убедила бы самого отсталого крестьянина, что эта революция есть его революция", статья заключала: "в таких материальных и духовных условиях наступление должно неизбежно получить характер авантюры".

Командный состав почти сплошь считал, что наступление, безнадежное в военном отношении, вызывается исключительно политическим расчетом. Деникин после объезда своего фронта доложил Брусилову: "Ни в какой успех наступления не верю". Дополнительный элемент безнадежности вносился негодностью самого командного состава. Станкевич, офицер и патриот, свидетельствует, что техническая постановка дела исключила победу, независимо от морального состояния войск: "Наступление было организовано ниже всякой критики". К вождям кадетской партии явилась делегация офицеров, с председателем офицерского союза кадетом Новосильцевым во главе, и предупреждала, что наступление обречено на неудачу и приведет лишь к истреблению лучших частей. От предостережений высшие власти отделялись общими фразами: "Теплилась надежда, -- говорит начальник штаба ставки, реакционный генерал Лукомский, -- что, может быть, начало успешных боев изменит психологию

массы и возможно будет начальникам вновь подобрать вырванные из их рук вожжи". В этом и была основная цель: подобрать вожжи.

Главный удар предполагалось, согласно давно выработанному плану, нанести силами Юго-Западного фронта в направлении на Львов; на Северный и Западный фронты ложилась задачи вспомогательного характера. Наступление должно было начаться одновременно на всех фронтах. Скоро выяснилось, что этот план командованию совершенно не под силу. Решили поднимать фронты один за другим, начиная со второстепенных. Но и это оказалось неосуществимым. "Тогда верховное командование, -- говорит Деникин, -- решило отказаться от всякой стратегической планомерности и вынуждено было предоставить фронтам начинать операцию по мере готовности". Все было предоставлено на волю провидения. Не хватало только икон царицы. Их пытались заменить иконами демократии. Керенский разъезжал, взывал, благословлял. Наступление началось: 16 июня -- на Юго-Западном фронте; 7 июля -- на Западном; 8-го -- на Северном; 9 июля -- на Румынском. Выступление последних трех фронтов, в сущности фиктивное, совпало уже с началом крушения основного, т. е. Юго-Западного фронта.

Керенский доносил Временному правительству: "Сегодня великое торжество революции. 18 июня русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление". "Совершилось долгожданное событие, -- писала кадетская "Речь", -- которое сразу вернуло русскую революцию к ее лучшим дням". 19 июня старик Плеханов декламировал перед патриотической манифестацией: "Граждане! Если я вас спрошу, какой сегодня день, вы скажете, что понедельник. Но это ошибка: сегодня воскресенье, воскресенье для нашей страны и для демократии всего мира. Россия, сбросившая иго царизма, решила сбросить иго неприятеля". Церетели говорил в тот же день на съезде советов: "Открывается новая страница в истории великой русской революции... Успехи нашей революционной армии должны приветствоваться не только русской демократией, но и... всеми теми, кто действительно стремится бороться с империализмом". Патриотическая демократия открыла все свои краны.

Газеты несли тем временем радостную весть: "Парижская биржа приветствует русское наступление повышением всех русских ценностей". Социалисты пытались прочность революции определить по курсовому бюллетеню. Но история учит, что биржа себя чувствует тем лучше, чем хуже приходится революции.

Рабочие и гарнизон столицы ни на минуту не были захвачены волной искусственно разогретого патриотизма. Ареной его оставался Невский проспект. "Мы вышли на Невский, -- рассказывает в своих воспоминаниях солдат Чиненов, -- и пробовали вести агитацию против наступления. Тут буржуи нападали на нас с зонтиками... Мы ловили буржуев, тащили их в казармы... и говорили, что они завтра же будут отправлены на фронт". Это были уже симптомы надвигающегося взрыва гражданской войны: близились июльские дни.

21 июня пулеметный полк в Петрограде на общем собрании постановил: "В дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер..." В ответ на угрозу расформирования полк ответил, что не остановится перед раскассированном "Временного правительства и других организаций, его поддерживающих". Мы снова слышим ноты угрозы, далеко опережающие агитацию большевиков.

Хроника событий отмечает под 23 июня: "Части 2-й армии захватили первую и вторую линию окопов противника..." И тут же рядом: "На заводе Барановского (6 тысяч рабочих) произведены перевыборы в Петроградский Совет. Вместо 3 эсеров выбрано 3 большевика".

К концу месяца физиономия Петроградского Совета успела уже значительно измениться. Правда, 20 июня Совет принял резолюцию с приветом наступающей армии. Но каким большинством? 472 голоса против 271 при 39 воздержавшихся. Это совершенно новое соотношение сил, которого мы раньше не встречали. Большевики вместе с левыми группками меньшевиков и эсеров составляют уже две пятых Совета. Это значит, что на заводах и в казармах противники наступления составляют неоспоримое большинство.

Выборгский районный Совет принял 24 июня резолюцию, каждое слово которой вбито тяжелым молотом:

"Мы... протестуем против авантюры Временного правительства, которое ведет наступление за старые грабительские договоры... и всю ответственность за эту политику наступления возлагаем на Временное правительство и поддерживающие его партии меньшевиков и эсеров". Отодвинутый после февральского переворота на задворки, Выборгский район уверенно выдвигался теперь на первое место. В Выборгском Совете уже полностью господствовали большевики.

Теперь все зависело от судьбы наступления, значит, от окопных солдат. Какие изменения вносило наступление в сознание тех, которые должны были совершить его? Они непреодолимо тянулись к миру. Но именно эту тягу правящим удалось до некоторой степени, по крайней мере у части солдат, и совсем ненадолго, превратить в готовность к наступлению.

После переворота солдаты ждали от новой власти скорого заключения мира, а до того готовы были держать фронт. Но мир не приходил. Солдаты перешли к попыткам братания с немцами и австрийцами, отчасти под влиянием агитации большевиков, а главным образом в поисках своих собственных путей к миру. Но против братания открыто было гонение со всех сторон. К тому же обнаружилось, что немецкие солдаты еще далеко не вышли из повиновения своим офицерам. Братание, не приведшее к миру, стало сильно сокращаться.

На фронте царило тем временем фактическое перемирие. Немцы пользовались им для огромных перебросок на Западный фронт. Русские солдаты наблюдали, как опустошались неприятельские окопы, снимались пулеметы, увозились пушки. На этом и был построен план моральной

подготовки наступления. Солдатам стали систематически внушать, что враг совершенно ослабел, что ему не хватает сил, что с запада на него напирает Америка и что стоит с нашей стороны дать небольшой толчок, как неприятельский фронт рассыплется и мы получим мир. Правящие не верили в это ни на один час. Но они рассчитывали на то, что, всунув руку в машину войны, армия уже не сможет больше выдернуть ее.

Не придя к цели ни через дипломатию Временного правительства, ни через братание, часть солдат несомненно стала склоняться к третьему пути: дать толчок, от которого должна рассыпаться прахом война. Один из фронтовых делегатов на съезде советов так именно и передавал настроение солдат: "Сейчас перед нами разрезанный немецкий фронт, сейчас перед нами нет пушек, и если мы пойдем и опрокинем врага, то приблизимся к желанному миру".

Неприятель сперва действительно оказался крайне слаб и отходил, не принимая боя, которого, впрочем, наступающие и не могли бы дать. Но неприятель не рассыпался, а перегруппировывался и сосредоточивался. Продвинувшись на два-три десятка километров вглубь, русские солдаты открывали картину, достаточно знакомую им по опыту предшествующих лет: неприятель ждал их на новых, укрепленных позициях. Тут-то и обнаруживалось, что если солдаты еще соглашались дать толчок в пользу мира, то они вовсе не хотели войны. Втянутые в нее сочетанием насилия, морального давления и, главное, обманом, они с тем большим возмущением повернули назад.

"После невиданной со стороны русских, по своей мощности и силе, артиллерийской подготовки, -- говорит русский историк мировой войны генерал Зайончковский, -- войска заняли почти без потерь неприятельскую позицию и не захотели идти дальше. Началось сплошное дезертирство и уход с позиций целых частей".

Украинский деятель Дорошенко, бывший комиссаром Временного правительства в Галиции, рассказывает, что после захвата городов Галича и Калуша "в Калуше немедленно был произведен ужасающий погром местного населения, исключительно украинцев и евреев, -- поляков не трогали. Погромом руководила чья-то опытная рука, указывавшая специально местные украинские культурно-просветительные учреждения". В погроме участвовали "лучшие, наименее развращенные революцией" части, тщательно отобранные для наступления. Но еще ярче обнаружили свое лицо в этом деле руководители наступления, старые царские командиры, испытанные организаторы погромов.

9 июля комитеты и комиссары 11-й армии телеграфировали правительству: "Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте 11-й армии разрастается в неизмеримое бедствие... В настроении частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии все возрастающего

разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу -- на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом".

Главкомандующим Юго-Западным фронтом, с согласия комиссаров и комитетов, издан приказ о стрельбе по бегущим.

12 июля главкомандующий Западным фронтом Деникин возвращался в свой штаб "с отчаянием в душе и с явным сознанием полного крушения последней тлевшей еще надежды на... чудо".

Солдаты не хотели сражаться. Тыловые войска, к которым обратились за сменой ослабевшие части после занятия неприятельских окопов, ответили: "Чего наступали? Кто вам велел? Кончать надо войну, а не наступать". Командир 1-го сибирского корпуса, считавшегося одним из лучших, доносил, как с наступлением ночи солдаты стали толпами и целыми ротами уходить с неатакованной первой линии. "Я понял, что мы, начальники, бессильны изменить стихийную психологию солдатской массы, -- и горько, горько и долго рыдал".

Одна из рот отказалась даже подбросить противнику листок о взятии Галича, покуда не найдут солдата, который бы мог перевести немецкий текст на русский язык. В этом факте выражается вся сила недоверия солдатской массы к руководящему составу, и старому и новому, февральскому. Столетия издевательств и насилий вулканически извергались наружу. Солдаты чувствовали себя снова обманутыми. Наступление вело не к миру, а к войне. Солдаты не хотели войны. И они были правы. Прятавшиеся в тылу патриоты травили и клеймили солдат как шкурников. Но солдаты были правы. Ими руководил правильный национальный инстинкт, преломленный через сознание угнетенных людей, обманутых, истерзанных, поднятых революционной надеждой и снова низринутых в кровавое месиво. Солдаты были правы. Продолжение войны не могло дать русскому народу ничего, кроме новых жертв, унижений, бедствий, ничего, кроме усиления внутренней и внешней кабалы.

Патриотическая пресса 1917 года, не только кадетская, но и социалистическая, была неумоима в противопоставлении русских солдат, дезертиров и трусов, героическим батальонам Великой французской революции. Эти противопоставления свидетельствуют не только о непонимании диалектики революционного процесса, но и о круглом историческом невежестве.

Замечательные полководцы французской революции и империи начинали, сплошь да рядом, как нарушители дисциплины, как дезорганизаторы; Миллюков сказал бы -- как большевики. Будущий маршал Даву, в качестве поручика Д'Аву, в течение долгих месяцев 1789--1790 годов разлагал "нормальную" дисциплину в гарнизоне Эсдена, изгоняя командный состав. По всей Франции шел до середины 1790 года процесс полного распада старой армии. Солдаты Венсенского полка принуждали своих офицеров есть вместе с ними. Флот изгонял своих офицеров. 20 полков подвергали свой командный состав разным видам насилия. В Нанси три полка ввергли высших офицеров в тюрьму. Начиная с 1790 года вожди

французской революции не устают повторять по поводу военных эксцессов: "Виновна исполнительная власть, которая не смещает офицеров, враждебных революции". Замечательно, что за роспуск старого офицерского корпуса выступали как Мирабо, так и Робеспьер. Первый стремился поскорее установить твердую дисциплину. Второй хотел разоружить контрреволюцию. Но оба понимали, что старой армии не жить.

Правда, русская революция, в отличие от французской, произошла во время войны. Но отсюда вовсе не вытекает изъятия из отмеченного Энгельсом исторического закона. Наоборот, условия затяжной и несчастной войны могли только ускорить и обострить процесс революционного распада армии. Несчастное и преступное наступление демократии сделало остальное. Теперь солдаты говорили уже поголовно: "Довольно проливать кровь! Зачем свобода и земля, если нас не будет?" Когда просвещенные пацифисты пытаются рационалистическими доводами упразднить войну, то они просто смешны. Когда же сами вооруженные массы приводят в движение против войны доводы разума, то это значит, что войне приходит конец.